

Нет! Это не моя революция!

Девяностые годы... Осенний солнечный день...

Меня попросили срочно прийти к заводууправлению и захватить с собой всех знакомых: из Минска приехала министерская комиссия, они хотят снять с работы нашего директора. А директора нашего объединения мы любили...

Управление находилось напротив уютного скверика с огромной клумбой в центре. Вход со стороны завода в этот день был почему-то перекрыт, и пришлось идти со стороны улицы, через проходную.

Такое количество народа возле заводууправления в будний день я видела впервые. Много людей здесь бывало по праздникам, когда работники нашего объединения разбирали транспаранты, флаги и портреты вождей и выстраивались в колонны, чтобы пройти пешком через мост до центра города, мимо трибун и памятника Ленину. Честно признаюсь, я любила парады. Я шла под музыку оркестра с радостной улыбкой, встречала одноклассников, просто знакомых, и в душе моей было ощущение праздника!

Но в этот день лица людей были совсем другие – решительные, озабоченные, хмурые... Многие пришли сразу после первой смены, не успев даже переодеться – чтобы не опоздать. Пришли и рабочие второй смены – те, кто не работал за конвейером.

Толпа увеличивалась и бурлила. Подъехали черные блестящие «волги», вышел министр в окружении своей свиты – все в идеально сидящих добротных костюмах. Они направились к главному зданию. Рабочие стояли стеной, не желая расступиться и дать приехавшим дорогу.

Те, кто жил тогда в Гомеле, помнит эти тяжёлые времена: магазины были пусты, приходилось стоять часами в очереди, чтобы купить самое необходимое. Работникам объединения выдавали талоны, по которым в заводских магазинах можно было купить килограмм мяса, килограмм сахара, килограмм крупы и одну банку консервов.

Через некоторое время все-таки удалось уговорить рабочих сделать небольшой проход, и члены комиссии прошли к административному

зданию. Там, перед входом, уже была установлена трибуна и подключены микрофоны.

Проработав на объединении двадцать лет, я впервые слышала, чтобы люди высказывали свое мнение так открыто, гневно и эмоционально. Мне запомнилось выступление одной женщины предпенсионного возраста, работницы литейного цеха. Полная, невысокого роста, в рабочем комбинезоне, поверх которого была накинута телогрейка, из косынки выбились седые пряди... В руках женщина держала пакет. Развернув его перед министром, она сказала: «Вот, отоварила талон: вместо мяса – кость и плева. А вчера три часа стояла в очереди за ситцевым платьем, но не досталось. А какие на мне панталоны! Я бы вам показала, но стесняюсь своих хлопцев! В толпе засмеялись.

Рабочие долго говорили, сменяя один другого. Я слушала, и у меня было ощущение, что вот, наконец-то все выскажутся и все изменится! Так дальше жить нельзя! И сейчас, именно сейчас решается наша дальнейшая жизнь! Министр смотрел на окружающих с плохо скрываемым презрением. Взяв микрофон, он начал с общей фразы: «Это временные трудности, товарищи!»

«У, жид!» – злобно прошипел рабочий, который стоял рядом со мной.

Я почувствовала, будто на меня вылили ведро ледяной воды... Очнувшись, я обнаружила себя, в своем красном пальто, стоящей на верхней жерди скамейки, вплотную с рабочими в промасленных спецовках. Руки наши были сплетены на плечах, словно в танце сиртаки...

«Нет, – подумала я: это не моя революция!»

Я слезла со скамейки и медленно пошла в сторону магазинов – занимать очередь за маслом и молоком.